

Раздел 1

ЭСТАФЕТА НАУЧНОГО ПОИСКА: НОВЫЕ ИМЕНА

В. Е. Прохоров

ПРОЕКТЫ ОЗДОРОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Деньги — это часть нашей повседневной жизни, а потому их судьба волнует всех. Сегодня даже тот, кто по роду деятельности далек от сферы управления денежным обращением, спешит высказать о них собственное суждение. Однако деньги, как и все общественные явления, также подчиняются объективным законам и закономерностям. У денег есть свои особенности, которые длительное время оставались тайной. Их значение то неоправданно преуменьшалось, то слишком преувеличивалось. В них видели силу, которая умножает изобилие внутри страны и ограждает ее от опасностей извне. Особенно это касается бумажных денег. Со временем деньги перестали быть загадкой. Им посвящены фундаментальные научные труды, в том числе и отечественные.

В данной статье, основываясь на дореволюционных исследованиях и документах, мы попытались отразить состояние денежного хозяйства России и предпринимавшиеся проекты его оздоровления в первой четверти XIX в.

В настоящее время большинство историков оценивают время правления Екатерины II в ярких и радужных тонах. В годы правления этой императрицы Манифестом от 1769 г. в денежное обращение России были введены бумажные деньги. Согласно Манифесту они вводились с целью обмена на них находившейся в обращении и крайне неудобной, тяжелой медной монеты. Это преподносится как значительное достижение,

однако если дать критическую оценку состоянию финансовой системы этого периода, то придется несколько изменить эту точку зрения.

Цели, объявленные в Манифесте, были прекрасными. Однако победы России в войне с Турцией, присоединение Крыма, деятельность по заселению и укреплению южных границ и подготовка к новым войнам требовали все новых и новых расходов, большого количества денег. Не находя другого выхода, правительство стало покрывать дефициты бюджета дополнительным выпуском бумажных денег, не обеспечивая их металлическим обменным фондом. Торжественные заверения Манифеста 1769 г. в том, что «каждый из частных людей может всегда, когда хочет, обратиться свои ассигнации в наличные деньги», уже через 10—15 лет оказались невыполнимыми. С середины 80-х гг. XVIII в. количество ассигнаций резко выросло: 1790 г. — 107 млн руб.; 1795 г. — 150 млн руб.; 1800 г. — 212 млн руб¹. Их невозможно было обменять даже на медную монету. Доверие к ним резко упало, цена ассигнаций катастрофически снижалась: в 1790 г. за ассигнационный рубль можно было получить только 85 коп. металлической монетой, в 1795 г. — 54 коп.; в 1800 г. — 47 копеек². Русское правительство в этот период не искало выхода из создавшегося положения, ассигнации казались русским неисчерпаемым богатством, сказочным рогом изобилия. Только генерал-прокурор Сената А. А. Вяземский высказался против такого денежного хозяйства: «Никакое государство не может долго стоять, имея внутри себя таковой яд»³. Он предлагал коренные изменения, но они не были приняты. В конечном итоге бумажные деньги уже в 90-е гг. XVIII в. довели денежное хозяйство страны до критического уровня.

Крупный российский финансист и экономист конца XIX в. И. С. Блюх, описывая денежное обращение XVIII в., совершенно справедливо заметил: «Помянуть нам добром прошлое столетие решительно не за что: оно толкнуло нас на путь фальшивый, на путь ложный и обманчивый, на путь, полный сладкого, но смертельного яда для народного и государственного хозяйства; оно научило нас легко и свободно обращаться с платежными силами страны и, ради официального блеска, пренебрегать разысканием средств для исцеления экономических недугов и болезней русского народа; оно положило прочное основание “бумажному хозяйству” — этой страшной экономической язве, разрушающей народное благосостояние, подрывающей в корне все отрасли торгово-промышленной жизни и уменьшающей исподволь народный капитал и понижающей уровень имущественности»⁴.

С 1805 г. для России началась новая полоса непрерывных войн, военные издержки еще более ухудшили финансовое положение государства. Хронические дефициты государственного бюджета увеличились с 8 млн руб. в 1803 г. до 143 млн руб. в 1809 г.⁵ Заключить внешние займы в эти

годы было практически невозможно, поэтому главным средством поддержания государственного бюджета стали очередные выпуски ассигнаций. Всего в 1805 – 1810 гг. было выпущено новых бумажных денег на сумму 318,7 млн руб., гораздо больше, чем за все предыдущие годы их существования в России. Общая сумма ассигнаций в 1810 г. составила более 579 млн руб.⁶ Естественно, что это привело к стремительному падению их курса. Если в 1809 г. бумажный рубль стоил 43,3 коп. металлической монеты, то в 1810 г. его среднегодовой курс составил только 25,4 коп.⁷ Естественно, резко возросли цены на товары и продукты питания, что было весьма болезненно для значительной части населения, получавшей доход в ассигнациях по номинальному курсу. Реальные доходы государства сократились, а дополнительных средств на потребности обороны взять было негде. Страна оказалась в глубоком кризисе, и государственной власти стало совершенно ясно, что необходимы немедленные и решительные меры для исправления ситуации.

В ноябре 1809 г. император Александр I поручил М. М. Сперанскому, автору обширных проектов общественно-политических преобразований в России, составить план преобразования финансов. В течение двух месяцев план был подготовлен. Основой для него стали разработки профессора Петербургского пединститута и сотрудника Комиссии составления законов Михаила Андреевича Балугьянского⁸, предпринятые им по просьбе товарища министра финансов Д. А. Гурьева и составленные им на французском языке. После того, как М. М. Сперанский перевел их на русский, эти документы обсуждались на своеобразных домашних совещаниях, в которых, помимо М. М. Сперанского и М. А. Балугьянского, участвовали бывший военно-морской министр адмирал Н. С. Мордвинов, сенатор В. П. Кочубей и Б. Компенгаузен, будущий государственный казначей России. Составленный на их основе проект был рассмотрен в Министерстве финансов. Окончательный вариант плана Александр I внес 1 января 1810 г. на рассмотрение Государственного совета в день его торжественного открытия. Манифест об образовании Госсовета объявлял положение финансов одной из главных тем для обсуждения и упоминал о представленном «плане финансов».

Сначала этот план обсуждался в департаменте экономии Государственного совета, а затем на заседаниях его общего собрания. Большинство членов Госсовета не могли достаточно компетентно судить о достоинствах или недостатках плана. Поэтому особых прений по этому вопросу не возникло и предложенные меры были одобрены. В итоге основное содержание финансовых преобразований было изложено в Манифесте от 2 февраля 1810 г.

Манифест отразил основные положения «плана финансов». Отмечалось, что ассигнации, количество которых постоянно растет, преврати-

лись в своеобразный налог, с разной степенью тяжести ложившийся на различные слои общества. Наибольшие потери от него несли: 1) казна, получавшая фиксированные подати, в сумме которых не компенсировалось падение курса ассигнаций, а расходы которой росли из-за повышения товарных цен; 2) все, кто получал от казны жалованье, пенсии и другие фиксированные выплаты, так как они выплачивались ассигнациями по их номинальному курсу; 3) частные лица, заключавшие договора с последующей оплатой или дававшие деньги в займы, так как последующая оплата или возврат денег были ниже из-за падения курса ассигнаций. «Если такое положение долго сохранится, — указывалось в документе, — то все части государственного устройства будут расстроены».

Манифест от 2 февраля 1810 г. провозглашал, что новый выпуск ассигнаций прекращается, а функции Государственного ассигнационного банка будут заключаться лишь в обмене ветхих ассигнаций на новые и размене крупных на мелкие. Те же ассигнации, которые находились в обращении, признавались государственным долгом, обеспеченным всеми богатствами Российской империи. Объявление ассигнаций государственным долгом было мерой необычной и вызвало замешательство среди населения, но этим правительство хотело укрепить позиции ассигнаций и поднять доверие к ним.

Манифест требовал от правительства добиться приведения расходов в надлежащую соразмерность с доходами и прекращения выпуска ассигнаций. Эти меры должны были стать базой для дальнейшего преобразования всей финансовой системы и восстановления номинального достоинства ассигнаций.

На основании Манифеста заложенные в смету на 1810 г. расходы были сокращены на 20 млн руб., а кроме того, предписывалось продолжить пересмотр и сокращение расходов в течение всего года. Ужесточался контроль за расходованием государственных средств. Все чрезвычайные расходы могли теперь производиться только после предварительного рассмотрения представлений министров в Государственном совете.

Понимая, что этих мер недостаточно, М. М. Сперанский решился на вынужденные меры — увеличение податей и налогов. Была повышена подушная подать с мещан и со всех категорий крестьян, а также подати с купеческих капиталов. Кроме того, возросли таможенные пошлины и паспортный сбор. Чрезвычайность ситуации и решимость М. М. Сперанского подчеркивались тем, что он осмелился, хотя и одновременно, в 1810 г. собрать часть чистого дохода со всех помещичьих имений. «Слишком двадцать лет Россия сего не знала, — замечал он позже. — Каждый член правительства хотел сложить с себя бремя сей укоризны; надлежало, однако ж, чтоб кто-нибудь ее понес. Судьба и несправедливость людей меня избрали на сию жертву»⁹.

Опираясь на перечисленные мероприятия, свою дальнейшую задачу в отношении ассигнаций М. М. Сперанский видел в том, чтобы поднять их курс и даже уравнивать их с серебряной монетой. Было признано, что средством для возврата ассигнациям их номинального достоинства является уменьшение их количества. Из возможных путей достижения этой цели решили остановиться на постепенном погашении ассигнаций.

Для проведения этой работы в мае 1810 г. была учреждена специальная Комиссия погашения государственных долгов, которая состояла как из государственных чиновников, так и из выборных представителей купечества. Погашению подлежали так называемые «лишние» ассигнации, сумма которых определялась в 286 млн рублей.

Для формирования капитала, необходимого для выкупа и погашения ассигнаций, были запланированы следующие мероприятия. Во-первых, планировалось в течение пяти лет продать с публичных торгов в частную собственность государственные имущества — казенные леса и арендные имения, оцениваемые в 183 млн рублей. Во-вторых, предполагалось провести внутренний заем на сумму до 100 млн руб. ассигнациями сроком на семь лет под 6 % годовых, а по истечении срока сумма должна была возвращаться серебряной монетой. Поступившие в итоге этих мероприятий в Комиссию ассигнации подлежали сожжению.

В «плане финансов», рассуждая об устройстве кредитной и денежной системы, М. М. Сперанский высказал мысль, что ассигнации — это «бумаги, основанные на предположениях, не имея никакой собственной достоверности, они суть не что иное, как сокрытые долги»¹⁰. Правильная денежная система может быть основана только на твердой монетной единице и на представляющих ее кредитных бумагах, а не на ассигнациях. Поэтому вместе с погашением ассигнаций очень важным средством упорядочения денежного обращения он считал введение усовершенствованной монетной системы. В то время в России в обращении находились разные виды серебряных, медных и золотых монет. По представлениям М. М. Сперанского, в перспективе следовало ввести одну постоянную серебряную монету в двух видах: банкового рубля и мелкой разменной монеты. Существовавшая медная монета должна была постепенно изыматься из обращения и, попадая в виде податей в казну, путем переливки и продажи обращаться в серебро, а частично в биллон, самую мелкую монету.

20 июня 1810 г. был подписан Манифест о новом устройстве монетной системы. Главной мерой (монетной единицей) всех монет, обращающихся в государстве, объявлялся *серебряный рубль* достоинством в 4 золотника и 21 долю чистого серебра. Все прочие серебряные и золотые монеты оставались в свободном обращении по курсу к этому рублю, но чеканиться в дальнейшем должна была лишь монета, определенная Ма-

нифестом. Кроме этого, Манифест повелевал с 1811 г. все акты, крепости, векселя и сделки во всех губерниях заключать в российской монете. Счет на иностранную монету во всех внутренних сделках следовало прекратить, а с 1812 г. запрещалось ее обращение в стране.

Таковы были основные первые мероприятия, проведенные в области оздоровления финансов под руководством М. М. Сперанского. Вот как он оценивал свою деятельность в письме Александру I: «План финансов и все операции, на нем основанные, всегда выдержат с честью самое строгое исследование всех истинных государственных людей не только у нас, но и во всех просвещенных государствах. Не словами, но математическим счетом можно доказать, что если бы в свое время он не был принят, то не только вести настоящую войну, но и встретить ее было не с чем. И тот же план в обширных его применениях может еще доставить важные пособия в тех затруднениях, кои обыкновенно открываются после войны»¹¹.

Оценивая преобразования М. М. Сперанского в финансовой системе России, надо отметить, что в реальности они не принесли ожидаемых результатов, но дали определенный эффект: прекратилось падение курса ассигнационного рубля, а с весны 1811 г. он начал повышаться и составил 26,4 коп. серебром, что заметно оживило экономику¹². Однако до провозглашенной цели – восстановления номинального достоинства ассигнаций — было слишком далеко. Да и трудно было ожидать иного.

Сократить государственные расходы, как планировалось, не удалось. Напротив, они выросли. Происходило это не по вине М. М. Сперанского, а из-за военных приготовлений России, но в его адрес было множество упреков. Особо следует сказать о недовольстве населения, вызванном ростом налогов. Повышение налогов действительно позволило уменьшить дефицит государственного бюджета, но за счет новых страданий народа, не имеющего никакого отношения к проводимой государством финансовой политике. Более того, уже и так сильно пострадавшего от ее последствий.

Не дали ожидаемого эффекта и мероприятия по погашению ассигнаций. Что касается продажи государственных имуществ, то к 1 октября 1811 г. удалось выручить лишь около 1,4 млн руб. ассигнациями. М. М. Сперанский приписывал эту неудачу плохой организации продаж и недостатку верных сведений о государственном хозяйстве. Что касается размещения займа, то в результате было получено и уничтожено лишь около 5 млн руб. ассигнаций¹³. Обе цифры абсолютно ничтожны по сравнению с суммой в 286 млн руб. ассигнаций, подлежащих уничтожению.

Ни одна практическая мера для утверждения новой монетной системы не была реализована. Серебряной монеты, особенно разменной, было отчеканено совсем немного. И перевод всех счетов на серебро так и не

состоялся. Д. А. Гурьев, к тому времени, уже министр финансов, от реализации этих мер уклонился и никаких объяснений по этому поводу Государственному совету не представил.

«План финансов» представлял собой часть общей программы реформ, разработанной М. М. Сперанским. Его деятельность вызвала сильную оппозицию в среде дворянства. Следствием этого стала отставка М. М. Сперанского в начале 1812 г. Это привело к существенным изменениям политики правительства в финансовой сфере, связанным с именем министра финансов Дмитрия Александровича Гурьева¹⁴.

Он возглавил министерство финансов в начале 1810 г. и был обязан этим М. М. Сперанскому. Вначале они были союзниками, но со временем по вопросам финансового оздоровления между ними возникли разногласия. Еще в конце 1811 г. при обсуждении путей повышения курса ассигнаций возникла мысль о «расширении круга их обращения» — как одном из возможных способов решения этой задачи. Дело в том, что в западных районах империи ассигнации почти не использовались, все сделки заключались в металлической монете. В представлении от 31 октября 1811 г. министр финансов предлагал распространить обращение ассигнаций на всю страну и положить их в основу всех денежных оборотов.

Это предложение вступило в противоречие с проектом монетной системы М. М. Сперанского. По мнению Д. А. Гурьева, следовало все государственные подати, налоги и сборы взимать не серебром, а ассигнациями по назначаемому на каждый год курсу; выдавать жалованье чиновникам и производить другие казенные расходы ассигнациями; все договора и контракты между казной и частными лицами заключать только в ассигнациях; акты и сделки между частными лицами в серебряной монете оставить в силе, но запретить отказываться от приема платежей по ним ассигнациями по курсу на момент платежа.

Принимая идею расширения обращения ассигнаций, департамент государственной экономии Госсовета не согласился с предложениями Д. А. Гурьева в целом. Вопрос отложили, но после отставки М. М. Сперанского все изменилось. «Гурьев, которому уже не было ни опасного соперничества, ни противодействия в Государственном совете, сделался всемогущим по своей части», — отмечал М. А. Корф¹⁵.

Результатом повторного обращения министра финансов в Государственный совет стал Манифест от 9 апреля 1812 г., который возвратил ассигнациям значение счетной денежной единицы, не отменив, однако, монетную единицу, установленную Манифестом от 20 июня 1810 г. Он провозгласил, что все расчеты и платежи между казной и частными лицами, а также частных лиц между собой основываются впредь на государственных банковых ассигнациях. Все основные подати и сборы, а также недоимки переводились в ассигнации по фиксированному курсу.

Таким образом, для частных сделок вводилось принудительное обращение ассигнаций по биржевому курсу, в то время как для платежей в казну устанавливался обязательный курс — так называемый *податный*, определявшийся на каждый год.

Однако надежды, возлагавшиеся на Манифест от 9 апреля 1812 г., не оправдались. Курс ассигнаций не повысился. Наоборот, введение принудительного обращения ассигнаций по их биржевому курсу создавало условия, препятствовавшие большим колебаниям их ценности. Мало того, совершенно неожиданно расширилось обращение серебряной монеты: она появилась даже во внутренних губерниях, где раньше использовались только ассигнации. Так, Манифест от 9 апреля 1812 г. привел к созданию новой своеобразной денежной системы, заключавшейся в совместном обращении сильно понизившихся, но мало колеблющихся в цене ассигнаций и металлической монеты. Эта система, возникнув вопреки намерениям правительства, в основных своих чертах просуществовала до конца 1830-х гг.

Попытки привести в порядок расстроенные финансы России возобновились после завершения войн с Наполеоном. В 1816 г. Д. А. Гурьев представил императору Александру I новый план мероприятий в этой области. По существу, он вернулся к программе М. М. Сперанского. Была вновь поставлена цель добиться повышения курса ассигнаций до равенства с серебром через сокращение их количества. Реализовать эту цель министр рассчитывал путем постепенного изъятия из обращения ассигнаций на сумму 450 млн руб. за счет средств, полученных от продажи государственных имуществ и привлечения иностранных займов.

Манифестом от 16 апреля 1817 г. в соответствии с планом министра финансов Комиссии погашения государственных долгов передавалось заведование всеми оборотами по государственным долгам под наблюдением Совета государственных кредитных установлений. Главный расчет был сделан на привлечение средств от продажи государственных имуществ, но неожиданно основой для изъятия ассигнаций стали иностранные займы. Их успех явился следствием победы России в Наполеоновских войнах, после которой иностранные банки и государства были готовы предоставить необходимые займы. Все изъятые ассигнации следовало сжигать.

Таким образом, в 1817 г. в обращении находилось 836 млн руб. ассигнациями. С помощью займов за 1818 — 1822 гг. было изъято 229 млн рублей. Кроме того, при обмене на ассигнации нового образца в 1819 — 1823 гг. остались непредъявленными почти 11 млн рублей. Общая масса ассигнаций уменьшилась на 240 млн руб., или на 28,7 %, и в 1823 г. их оставалось 596 млн рублей¹⁶. При этом если в 1817 г. ассигнационный рубль стоил 25,16 коп. серебром, то в 1823 г. — 26,4 копеек¹⁷. Как видим,

операции по изъятию ассигнаций дали совершенно ничтожный результат в смысле повышения их курса. Зато государственная казна была обременена новыми долгами. Теперь уже процентными. И ежегодно на их погашение и уплату процентов расходовались миллионы рублей.

Деятельность Д. А. Гурьева во главе Министерства финансов, заключение займов для погашения ассигнаций вызвали недовольство в обществе. Действия министра подвергались резкой критике в Государственном совете, где с радостью встретили его отставку в апреле 1823 г.

Управление российскими финансами принял на себя новый министр финансов Егор Францевич Канкрин. Он застал российские финансы в таком же расстроенном виде, как и его предшественники. Е. Ф. Канкрин отрицательно относился к заключению займов для погашения ассигнаций. Он был также против повышения их курса, для чего совершались такие усилия. Наиболее разумным он считал поддержание сложившегося постоянного курса ассигнаций и отказался от проводившейся в предшествующие годы линии на его искусственное повышение.

Ясно, что поставленная цель — уравнять ассигнационный рубль с серебряным — была утопией. К тому же сильное изменение курса ассигнаций — повышение или падение — грозило бы России новыми серьезными потрясениями. Сравнительное постоянство курса, даже на низком уровне, гораздо больше отвечало интересам страны, чем даже его повышение.

Таким образом, уже в дореволюционных исследованиях дается правильная оценка критического состояния финансов России в начале XIX в. В них отражено прекрасное понимание причин и следствий происходящего с финансами. На начало XIX в. приходится первые проекты финансового оздоровления. Их авторами можно справедливо считать М. А. Балугьянского и Д. А. Гурьева. Эти проекты нашли широкое отражение в исследованиях и официальных документах эпохи, хотя они не увенчались успехом и не достигли поставленных целей. Но благодаря их осуществлению в стране сложилась денежная система, заключающаяся в совместном обращении сильно обесценившихся, но мало колеблющихся в цене ассигнаций и металлической монеты. Была фактически подготовлена почва для проведения реформы серебряного монометаллизма в России. Новому министру финансов Е. Ф. Канкрину оставалось оформить законодательно сложившуюся девальвацию ассигнационного рубля.

¹ См.: Печорин Я. Наши государственные ассигнации // Вестн. Европы. 1876. С. 66.

² См.: Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 362.

³ РГАДА, Ф. 10. Оп. 3. Д. 103. Л. 4—5.

- ⁴ Блюх И. С. Финансы России в XIX веке. СПб., 1882. С. 50—51.
- ⁵ См.: Бржеский Н. К. Государственные долги России. СПб., 1884. С. 24.
- ⁶ См.: Кауфман И. И. Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909. С. 22.
- ⁷ См.: Там же. С. 23.
- ⁸ М. А. Балугьянский (1769—1847) родом из закарпатских украинцев, родился в Цемплинском комитете Австро-Венгрии (сейчас территория Словакии). Окончил юридический факультет Венского университета. С 1796 г. доктор права в Пештском университете, преподавал на кафедрах истории, статистики, публичного и народного права. В 1803 г. был приглашен для преподавания в Санкт-Петербург, где проходило преобразование учительской семинарии сперва в учительскую гимназию, затем в педагогический институт. Кроме профессуры, он получил назначение во вторую экспедицию Комиссии составления законов на должность редактора по части государственного хозяйства и финансов. С 1813 по 1817 г. преподавал экономические и политические науки великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам. В Комиссии ему пришлось участвовать в составлении свода публичного права, сельских законов, реорганизации министерств и в разработке отдельных вопросов экономического и финансового законодательства, по поручению министерства финансов работал над «планом финансов». С 1819 по 1821 г. был ректором созданного Санкт-Петербургского университета. В 1822 г. снова стал членом совета Комиссии по составлению законов. С 1826 г. до самой смерти в 1847 г. работал начальником II Отделения С. Е. И. В. Канцелярии, на которое возлагалось дело кодификации законов. В 1839 г. был назначен сенатором (подробнее о Балугьянском см.: История русской экономической мысли. Т. 1. М., 1958).
- ⁹ Цит. по: Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. С. 242.
- ¹⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 45. С. 38.
- ¹¹ Цит. по: Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. С. 244.
- ¹² См.: Кауфман И. И. Из истории бумажных денег в России. С. 39
- ¹³ Архив Государственного совета, изданный Государственной канцелярией. Т. 4. СПб., 1881. Стб. 98.
- ¹⁴ Д. А. Гурьев (1751—1825) родился в России, получил домашнее образование. Покровительствуемый П. М. Савронским, внуком брата Екатерины I, начал службу в 1772 г. и довольно успешно делал служебную карьеру в сенате. Женитьба на графине Салтыковой ввела его в круг аристократии. Сумел примкнуть к лицам, окружавшим юного императора Александра I, — Новосильцеву, Кочубею, Чарторыжскому, и благодаря их содействию при образовании министерств в 1802 г. был назначен товарищем министра финансов графа Васильева. Позднее получил в управление департамент уделов. Сблизился со Сперанским и благодаря ему был назначен министром финансов в 1810 г., проводил в жизнь его финансовые проекты, но позднее от них отказался. Финансовое управление Гурьева было настолько неудовлетворительно, что ему пришлось уйти в отставку в 1823 г. (подробнее о Гурьеве см.: История русской экономической мысли. М., 1858 Т. 1).
- ¹⁵ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. С. 249.
- ¹⁶ См.: Бржеский Н. К. Государственные долги России. С. 97.
- ¹⁷ См.: Кауфман И. И. Из истории бумажных денег в России. С. 39.